

УДК 821.161.1.0
ББК 83+83.3 (2Рос=Рус)

«ОДИНОЧЕСТВО НЕПОСТИЖИМОГО СОДЕРЖАНИЯ»:

С.П. БОБРОВ О Б.Л. ПАСТЕРНАКЕ

© 2020 г. А.Ю. Сергеева-Клятиц

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 02 мая 2020 г.

Дата публикации: 25 декабря 2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-358-373>

Грант на фундаментальное исследование РФФИ № 20-012-00110 А

Аннотация: Предлагаемый материал представляет собой публикацию писем С.П. Боброва (1889–1971) к Е.Б. и Е.В. Пастернак. Письма были написаны в середине 1960-х гг., вскоре после смерти Б.Л. Пастернака. Они связаны с попытками Боброва разобрать свой архив, а также с его знакомством с вышедшей в 1964 г. в издательстве Галлимар книгой французской славистики Жаклин де Пруайар «Пастернак». Разоблачая мифы, созданные, по мнению Боброва, французской исследовательницей, он обращается в своих воспоминаниях к юности Бориса Пастернака, говорит о возможности его крещения, о первых шагах, проделанных поэтом на его поприще, переходя на взаимоотношения между «Центрифугой» и символистским кругом вообще. Сведения, содержащиеся в письмах Боброва, отчасти подтверждаются уже опубликованными материалами — его перепиской с сестрами Пастернака, отчасти являются совершенно новым вкладом в историю русской культуры XX в.

Ключевые слова: С.П. Бобров, Б.Л. Пастернак, «Центрифуга», символизм, футуризм, антропософия, «Мусaget», «Символизм и бессмертие».

Информация об авторе: Анна Юрьевна Сергеева-Клятиц — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 9, стр.1, 125009 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7785-1469>

E-mail: nnkltst@gmail.com

Для цитирования: Сергеева-Клятиц А.Ю. «Одиночество непостижимого содержания»: С.П. Бобров о Б.Л. Пастернаке // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 4. С. 358–373.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-358-373>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

“THE LONELINESS
OF THE INCOMPREHENSIBLE CONTENT”:
SERGEY BOBROV ABOUT BORIS
PASTERNAK

© 2020. A.Yu. Sergeeva-Klyatis

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: May 08, 2020

Date of publication: December 25, 2020

Acknowledgements: This research has been supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), no 20-012-00110 A.

Abstract: This is a publication of letters from Sergey Bobrov (1889–1971) to Eugeny and Elena Pasternak. The letters were written in the mid-1960s, shortly after the death of Boris Pasternak. They reflect Bobrov’s attempts to parse his archive as well as his reaction to the book entitled *Pasternak* by a French Slavist Jacqueline de Proyart published in 1964 by Gallimard. Exposing what he calls the myths created by the researcher, in his memoirs he discusses the youth of Boris Pasternak, talks about the probability of his baptism, his first steps in the field of poetry, and moves on to the discussion of his relationship with the “Centrifuge” group and the symbolist circle in general. Bobrov’s letters partly repeat what one might find in his published correspondence with Pasternak’s sisters but partly present an original contribution to the 20th century history of Russian culture.

Keywords: Sergey Bobrov, Boris Pasternak, “Centrifuge,” symbolism, futurism, anthroposophy, “Musaget,” “Symbolism and Immortality.”

Information about the author: Anna Yu. Sergeeva-Klyatis, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya 9-1, 125009 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7785-1469>

E-mail: nnkltst@gmail.com

For citation: Sergeeva-Klyatis A.Yu. “The Loneliness of Incomprehensible Content”: Sergey Bobrov on Boris Pasternak. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 4, pp. 358–373. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-358-373>

Друг молодости Б.Н. Пастернака и его соратник по «Центрифуге» Сергей Павлович Бобров (1889–1971) был одарен не только поэтическим талантом. Он начинал как живописец, участвовал в выставках художественных объединений «Бубновый валет» и «Ослиный хвост», стремился к преобразованию искусства. Его целью было организовать собственный кружок артистической молодежи и издавать журнал. С Пастернаком Бобров познакомился, видимо, в начале 1910-х гг. Они встречались на занятиях молодежных кружков при Мусагете, а потом на заседаниях литературно-художественной группы «Сердарда», в 1913 г. трансформировавшейся в более узкое объединение «Лирика» со своим книгоиздательством. Именно здесь вышел первый сборник стихов Пастернака «Близнец в тучах». Пастернак и Бобров сблизились примерно в это время. В конце 1913 г. они оба покинули «Лирику» и по инициативе Боброва организовали футуристическое «товарищество» под названием «Центрифуга». Новое объединение выпустило и свой альманах с характерным названием «Руконог». Бобров активно ссорился с бывшими союзниками и задирали футуристов круга «Гилеи», привлекая для этих целей и Пастернака. Впоследствии тот вспоминал: «Нарождение “Центрифуги” сопровождалось всю зиму нескончаемыми скандалами. Всю зиму я только и знал, что играл в групповую дисциплину, только и делал, что жертвовал ей вкусом и совестью» [6, т. 3, с. 214]. Противостояние «Центрифуги» и гилейцев кончилось внезапным сближением Пастернака и Маяковского весной 1914 г.

В 1916 г. Бобров нашел союзника и единомышленника, который взялся финансировать издательство, — литературного критика, переводчика и поэта И.А. Аксенова. Издательская деятельность Боброва разворачи-

вается, среди прочих книг (Второй сборник «Центрифуги», книга Н.Н. Асеева «Оксана», сборник переводов «Елизаветинцы») он выпускает и вторую поэтическую книгу Пастернака — «Поверх барьеров». Пастернак, в 1916 г. находившийся на Урале, детально обсуждал в переписке с Бобровым свою будущую книгу, ее название и состав.

С революцией наступил конец и «Центрифуги», которую Бобров еще несколько раз пытался возродить, собирал материалы для следующего группового сборника, но этим планам не суждено было осуществиться. В 1920-х гг., как и впоследствии, отношения Пастернака с Бобровым не прерывались, они дружили, но наступило некоторое охлаждение, связанное с деятельным участием Пастернака в первых номерах «ЛЕФа». Бобров ревниво относился к этому изданию, как и к растущей славе Пастернака. В 1934 г. Бобров был арестован и выслан, вернулся в Москву перед самой войной, но публиковаться еще долго не мог, хотя писал много и в прозе, и в стихах, погрузился в переводы. С молодости Бобров с интересом занимался математикой и стихосложением; как стиховед, изучал русский дольник (книга М.Л. Гаспарова «Что такое русский стих» вышла с посвящением С.П. Боброву), в зрелые годы эти научные области вышли на первый план. Книга «Волшебный двурог» (1949) с объяснениями сложных математических понятий и задач для детей стала, что называется, бестселлером, переиздавалась множество раз, последний — в 2017 г.

В 1950-е гг. Бобров и Пастернак продолжали переписку и общение. Бобров, твердо стоявший на атеистических позициях, не принял того направления, в котором развивалось позднее творчество Пастернака — ни «Доктора Живаго», ни послевоенной поэзии. В 1950 г. в письме Пастернаку он иронически замечал: «А насчет твоих теологических сочинений — что ж! ведь Толстой, когда решил, что он уж переписал и Гомера (в “Войне и мире”) и Свифта (в “Холстомере”), решил переписать и Библию — в “Круге” своем! Мы как-то болтали — давно уж, года три тому назад, коли не более — с Вильмонтом на цветущем лужку Переделкинском, что твоя “Звезда Рождественская” напоминает “Вертеп”¹, поставленный с декорациями Сапунова и музыкой Саца» [3, с. 158]. Отсюда понятно выраженное в публикуемых нами письмах негодование по поводу распространения

1 Пьеса М.А. Кузмина, поставленная в «Бродячей собаке».

сведений о духовном пути Пастернака. Бобров надолго пережил своего друга, он умер в 1971 г., успев передать в архив 64 письма Пастернака и некоторые его рукописи².

Представленные здесь письма С.П. Боброва к Евгению Борисовичу и Елене Владимировне Пастернак, написанные вскоре после смерти Б.Л. Пастернака, находятся в семейном архиве семьи Пастернака. Их предоставила мне Е.В. Пастернак. Ее светлой памяти я посвящаю эту публикацию.

Письма С.П. Боброва к Е.Б. Пастернаку.

1.

13.XII. 1964

Милый Женя! Я нашел одно Борино письмо (май 1916-го)³, где есть такая фраза: «Прежде меня задевало то, что Юлиан мне глаза колол “отдаленными догадками” о том, что не еврей ли я, раз у меня падежи и предлоги хромают». Вот тебе живое доказательство того, о чем я тебе прошлый раз говорил. В печати проскальзывали словечки о том, что «поэзия Пастернака — это поэзия фармацевтов...» (аптеки в царской России держали преимущественно евреи, и персонал у них был сплошь еврейский — и над этими полу-интеллигентами нередко потешались).

Как-нибудь в будущем году я разберу переписку, и ты все сам прочтешь.

Привет. С.Б.

2 Письма Пастернака хранятся в РГАЛИ. См.: *Бобров С.П.* // РГАЛИ. Ф. № 2554. Ед. хр. 55, 56, 563, 564]. Они были опубликованы М.А. Рашковской: [3].

3 Ошибка памяти. Письмо от 27 апреля 1916. Полностью эта фраза звучит так: «Прежде меня задевало то, что Юлиан (Анисимов. — А.С.-К.) мне глаза колол “отдаленными догадками” о том, что не еврей ли я, раз у меня падежи и предлоги хромают (будто мы только падежам и предлогам только шеи свертывали)» [7, т. 7, с. 232–237].

2.

8.XII. 1964

Милый Женя!

Мне попалась в руки эта препротивная книжонка госпожи Депруайяр⁴ в издании Галлимара (только что вышла в Париже) [10], где под прозрачной дымочкой всякой «эстетики» расцвела такая *развесистая клюква* насчет твоего покойного батюшки, что лучше и не придумаешь...

Не приходится уж удивляться, что умница эта в «великом боге деталей» обнаруживает православного боженьку — эту чепуху и в Париже-то подлинному знатоку поэзии рассказывать довольно трудно. Черт с ней, с дурой, — но ведь она просто завалила всю свою книжонку идиотской поповской чепухой. Мало того, что она там пишет всякую дребедень (прибавляя мне 9 лет возраста, чтобы было можно объяснить мое «влияние»!), просто *не зная* ничего толком о юности Бори, но самая махровая дичь — это глупенькая басня о «тайном крещении» Бори⁵!! Эти сказочки можно рассказывать только тем людям, которые полувеком отделены от обычаев и устоев (и законоположений совершенно официальных!) русского царского православия. Крещение — это *обряд*, вполне точного исполнения, связанный с казенными записями в шнуровых книгах церквей, которые выполняли в царской России роль совершенно официальных теперешних *загсов*. Обряд совершает не один поп, но с причтом, с восприемниками (крестными отца-

4 Жаклин де Прауйяр (1927–2018) — французская славистка, близкий друг и доверенное лицо Пастернака за границей. Ей Пастернак передал беловую рукопись «Доктора Живаго».

5 Бобров напрасно обрушивает свой гнев на Ж. де Прауйяр, фактически повторившую слова самого Пастернака. О своем крещении Пастернак сообщал ей в письме: «Я был крещен своей няней в младенчестве, но из-за ограничений, которым подвергались евреи, и к тому же в семье, которая, благодаря художественным заслугам отца, была от них избавлена и пользовалась определенной известностью, это вызывало некоторые осложнения и оставалось всегда душевной полу-тайной, предметом редкого и исключительного вдохновения, а отнюдь не спокойной привычкой. В этом, я думаю, источник моего своеобразия. Сильнее всего в жизни христианский образ мысли владел мною в 1910–1912 годах, когда закладывались основы моего своеобразного взгляда на вещи, мир, жизнь» (*Пастернак Б.Л.* Письмо 2 мая 1959 г. См.: [7, т. 9, с. 472–473]). В ответ на подобные инвективы Боброва сестра Пастернака Жозефина Леонидовна вспоминала: «Няня приносила нам просвиры из церкви, помню это, — я еще в постели, она пришла из церкви, дает мне освященный кусочек. И, конечно, много брала нас в церковь — в Юшковом переулке, рядом с нашей квартирой на Мясницкой. Но крестить “тайно”? <...> Между тем Боря пишет об этом в письме Prouyat, не станет же он лгать» (*Пастернак Ж.Л.* Письмо С.П. Боброву, 30 декабря 1967 г. См.: [9, с. 214]).

ми и матерями), которые являются *казенными свидетелями* крещения и отменяются совершенно по форме (с указанием чина, «титулярный советник такой-то» и пр.). Ни один поп в Москве (в столице) ни за какие деньги не стал бы крестить еврейского мальчика⁶, ибо из этого мог бы выйти совершенно грандиозный скандал, донесись хотя бы тень этого слуха до богатой и влиятельной московской еврейской общины. Рисковать всей карьерой из-за такой пренелепой с тогдашней точки зрения выдумки ни один поп не стал бы. Этот рассказик годится для романчиков в стиле Монте-Кристо, не более того. Все сказки о том, что Боря чуть ли не с 1910 года был мистиком и зачитывался библией — это чушь невыносимая, ведь наша «Центрифуга»⁷ была бунтом и бегством именно *от мистики* Мусажета⁸, и компании Дурьлина-Анисимова-Станевич⁹, наших бывших друзей, погрязавших в теософии и слюнявеньком православизме! Зачем Боре нужно было эту чепуху рассказывать, поверить странно и понять нельзя. Разумеется, это была просто *фронда* и какой-то невероятный *загиб*, когда уж человек сам перестает понимать, что он плетет. Выдумка о тайном крещении просто подчеркивает, что автор ее — русских церковных обычаев не знал. Вот и все. Но все это можно было бы рассматривать просто, как невероятное чудачество

6 Именно в силу сказанного Бобровым крещение и было «тайным», без всяких записей в официальных книгах. Видимо, оно было совершено дома верующей няней Акулиной Гавриловой «во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Известно, что по церковным канонам подобное крещение мог совершать мирянин в особых обстоятельствах. Подобно этому крестились при советской власти многие, желая скрыть совершение таинства. После этого было возможно причащение, о котором мечтал мальчик и о чем он в 1941 г. рассказывал также Е.А. Крашенинниковой [4, с. 271]. См. о том же «Письма Боброва к Жозефине и Лидии Пастернак: еще раз о Б. Пастернаке и христианстве» [9, с. 219–220].

7 Футуристическая группа (и издательство) «Центрифуга» образовалась в 1913 г. Ее основными участниками были С.П. Бобров, Б.Л. Пастернак, Н.Н. Асеев. Как литературное объединение существовала до 1917 г.

8 Мусажет — издательство символистов в Москве в 1909–1917 гг., объединившее круг единомышленников. Было организовано Э.К. Метнером, участниками и идеологами Мусажета были А. Белый, Эллис и др. При Мусажете существовали кружки, которые вели крупнейшие символисты.

9 Сергей Николаевич Дурьлин (1886–1954) — литературовед, священник, религиозный писатель, поэт, мемуарист. Юлиан Павлович Анисимов (1886–1940) — переводчик, поэт, искусствовед, создатель и лидер группы «Лирика» (1913). Среди ее участников, кроме Пастернака, были: С.П. Бобров, Н.Н. Асеев, В.О. Станевич, С.Н. Дурьлин, К.Г. Локс. Вера Оскаровна Станевич (1890–1967) — поэтесса, переводчица, антропософка, жена Ю.П. Анисимова.

вроде «творимой легенды»¹⁰, если бы это *не чернило память Бори* в глазах современности, а то ведь у нас найдутся умники, которые будут эту «поэму» поддерживать из целей, прямо противоположных целям госпожи Депруайяр. Семья Борина была семья интеллигентная, где к религии относились с полной прохладцей, не придавая ей ни малейшего значения (хотя и не желая ссориться с ней и вообще с ней связываться¹¹), сам Боря над чудачествами верующих интеллигентов посмеивался откровенно, ничего в этом, кроме барских выдумок, не видя — и был совершенно прав. Нигде у Бори о боженьке ни слова, кроме одного маленького стишка «Не как люди...» — но это стишок *философский, угрюмо-трезвый*, ничего общего с теми хлыстовскими воплями, которыми были наполнены мечты Белого-Станевич, не имевший. Стыдно читать эту *отвратительную клевету* этой анафемской мадамы! Вот каким грязным жуликом попался в руки бедный Боря на Западе. Вот какой ценой он заплатил за успех на Западе. Хотел пококетничать с русскими березками под Троицу, а там и обрадовались. Рильке он любил, Рильке мистик, конечно, но ведь не в этом дело! Переводил Верлена, а что же он не взялся переводить его католические стенанья из «Сажесс»¹²? В Мусагете его бы зацеловали за такой трюк! Ведь и у Тютчева есть слова два-три о боженьке... но это были тогда обычные словечки из пословиц и не больше того. Толстой был мистик, но какой! Он был с официальной точки зрения наиопаснейший еретик, превративший все «священное писание», а твой дед Л.О.¹³ ценил его и тонко, и точно. И все это прекрасно понимали. Ах, как горько читать эту смердящую католическую клевету на бедного Борю, ужас, какая гадость!

Там еще есть куча всяких «неточностей» и откровенного вранья в этой подлейшей книжонке, но самое вонючее в том, что все это с расчетцем соврано, не зря, и все клонит к одному.

10 Имеется в виду Ф.К. Сологуб.

11 Стихотворение «Не как люди, не еженедельно, Не всегда, в столетье раза два...» (1915). Этим словам полностью соответствует сказанное в письме к Пруайяр, где Пастернак писал, что его крещение всегда было «предметом редкого и исключительного вдохновения, а отнюдь не спокойной привычкой».

12 Сборник стихотворений П. Верлена «Sagesse» («Мудрость») вышел в 1880 г. Был написан после духовного переворота, обратившего поэта к католичеству, содержит многочисленные мистические мотивы.

13 Леонид Осипович Пастернак (1862–1945) — знаменитый художник, отец Бориса Пастернака.

Такой поэт был — на загляденье! Такой талант! И вот теперь из него какого-то «монашка» юридиков на Западе делают. Ах, как жалко. И здесь за него заступиться некому. Да ведь и трудно заступаться, потому что все его кокетерии будут мешать на каждом шагу. До чего все это невесело, сказать страшно.

Извини, Женя, ты, наверно, и сам все это не хуже меня понимаешь... но уж очень отвратная эта книжонка. Такой от нее бело-эмигрантщиной не-сет... если только... не хуже еще!

З•

12.XII.1964

С.П. Бобров

Москва, А 319, Черняховская, 4, 125

Д 7 78 25 (вскоре будет АД 1 78 25)

Милые ребята, Аленушка и Женя!

Через несколько дней мы с женой едем в Хлебниково, но перед этим мне хочется сказать вам несколько слов о книжке этой прелестной мадамы и обронить несколько соображений «в общем и целом...». Извините, если все это будет несколько бесформенно.

Трудно ныне представить, в каких психологически-тягостных условиях развивалась наша юность. Наши старшие, Блок и Белый в первую очередь, ко времени нашей возмужалости (выхода «в свет») были надорваны, изуродованы, искалечены ужасами 1906–7 годов и приоткрывшейся бездной распада старого русского мира. Исполинская фигура Толстого умолкла — и вдруг провещала: «Не могу молчать!...»¹⁴ — вся Россия с дрожью ужаса слушала эти слова (поверьте, это не фраза). Интеллектуальная Россия бросилась, куда могла, сам Белый пытался скрыться в экспериментальную эстетику¹⁵, но не удержался и свалился, очертя голову, в бездонное болото модной мистики, теософии (для прилику переименованную в «антропософию» — это была попытка имитировать реформу Лютера, рас-

14 «Не могу молчать» (1908) — знаменитый манифест Л.Н. Толстого, направленный против смертной казни, но затрагивающий все стороны отношений между народом и властью.

15 Намек на статью А. Белого «Лирика и эксперимент» (1909). Впервые: [1].

сматривая теософию Блаватской¹⁶, яко католичество — дикая полудетская абракадабрическая забава и вздор невероятный)¹⁷. Видели ли мы это или нет? Дело в том, что это довольно безразлично — секрет был не в этом, а в том, что этого душевного развала нельзя было не ощущать. Отсюда и озлобленные стихи Ники Асеева:

Когда старейшины молчат,
Тупых клыков лелея опыт,
Не вой ли маленьких волчат
Снега замерзшие растопит?..¹⁸

И вот именно на этом фоне и выступает юный Боря, совсем молодой человек, почти не имевший опоры ни в чем, даже и в семье своей, у сурового отца, который смотрел угрюмо, говоря: «Борька, ты лентяй! Ты мог бы быть художником, мог бы быть музыкантом, нет, тебе лень работать...». А он мог бы стать и художником, и музыкантом. Свидетельства его отца, настоящего художника и превосходного педагога, как и свидетельства Скрябина и Корещенки¹⁹, не оставляют сомнения в том, что Л.О. говорил это не зря. Но Боря этого сделать не мог. Почему? Да потому что это было призвание. Тягостное, страшное, но влекущее к себе несказанно и необоримо. Его путь в искусстве был не то что непрост, а мученически труден. Ведь обычно начинают писать рано, с детства, с юношества (наш любимый Лермонтов в 14 лет писал первоклассные стихи! Мы все его очень любили — все писали о нем — Пушкин оставался где-то сверху, обожаемый, боготворимый, но Лермонтов бывал ближе²⁰, по-дружески...), а Боря начал писать поздно. Но и

16 Елена Петровна Блаватская (1831–1891) — теософского (пантеистического) направления литератор, публицист, оккультист и спиритуалист. Основательница Теософского общества.

17 Иронические стрелы Боброва метят в отца антропософии — Рудольфа Штайнера.

18 Стихотворение Н.Н. Асеева 1916 г. из книги стихов «Оксана» (1918). Правильно: «Снега залежные растопит».

19 Корещенко А.Н. (1870–1921) — русский композитор. В 1891–1894 гг. преподавал в Московской консерватории, в 1906–1919 — профессор Музыкально-драматического училища Московского филармонического общества, где вел классы теории композиции. Печатал восхищенные рецензии на концерты Р.И. Пастернак. О его оценке музыкального творчества Пастернака ничего неизвестно.

20 О значении Лермонтова для Центрифуги и, в частности, для Боброва и Пастернака см.: [2, с. 178–194].

это еще не все! Мало того, что он взялся за стих, не имея маленького опыта (в пустяках хотя бы!), но он тащил в стих такое огромное содержание, что оно в его полудетский (по форме) стих не то что не лезло, а, влезая, разрывало стих в куски, обращало стих в осколки стиха, он распадался просто под этим гигантским напором. А я, видя все это, не мог решиться тащить его к прописям стихотворства (которые были так полезны для Асеева, стихотворца изумительно переимчивого, стихотворца-как-такового, пар-экселлянс), ибо нравственная трагедия Бори была не в трудностях со стихом, а в одиночестве непостижимого для окружающих содержания, за которое я только и хватался, умоляя его не слушать никаких злоречий, а давать свое во что бы то ни стало. И для него новая живопись — Матисс, Пикассо, Сезан — была утешением, там тоже все было разодрано и изломано в куски. И эта разодранность была как-то срифмована с ужасным терзанием Блока и Белого, впервые догадавшихся, что именно скрывается под внешним благополучием царской России, на каких условностях она держится и какие силы ее неминуемо должны взорвать не сегодня-завтра. Его судьба была пройти за всю жизнь — от Пикассо обратно к Тициану, останавливаясь по дороге, чтобы передохнуть около великих барбизонцев²¹ разве.

«Близнец»²² угрюм нестерпимо, «Барьеры»²³ уже с просветом, но это и есть результат того, что мы и французская новая живопись ободрили его в его замыслах (может быть, очень еще для него самого неотчетливых).

Когда я услышал его стихи впервые, я был ошеломлен их непосредственной силой и оригинальностью вне всяких привычных тогда «норм» (а ведь кругом стояла всякая чепуха вроде акмеистов — выкрутасников и чистоплюев). Асеев, видя это, умирал от ревности, и это в дальнейшем для нашей общей дружбы кончилось плохо, но это мелочь в конце концов.

...Не хватает сейчас силы все это изложить, как надобно было бы! Но я потом еще напишу вам.

21 Барбизонцы — группа французских художников-пейзажистов (Руссо, Милле, Диаз, Дюпре и др.) середины XIX в. Имя школа получила по названию деревни Барбизон, где жили некоторые из ее участников. Творчество барбизонцев считается предвосхитившим импрессионизм.

22 «Близнец в тучах» — первая поэтическая книга Пастернака, вышедшая в самом конце 1913 г. в издательстве «Лирика».

23 «Поверх барьеров» — вторая книга стихов Пастернака, вышла в издательстве «Центрифуга» в конце 1916 г. при прямом участии С.П. Боброва.

Хотелось бы еще кое-что сказать насчет бредней с «христианством». Мне сейчас кажется, что он, понимая, как это все курьезно и нескладно, выдумал себе это, фантазируя, а потом уж, закусив удила, начал упорствовать, а глупые уши француженки, не понимавшей его подлинной трагедии, соблазнили его уж на прямое сочинительство. Так что всерьез эти его факсимиле принимать нельзя — вот и все.

Судьба такова, что или надо было забыть все, как сделал Асеев, или искать прибежища в науке, как поступил невольню я, а висеть между небом и землей было невозможно — вот оно и кончилось таким ужасным взрывом, за который в сущности никого винить нельзя. Такова уж судьба.

Извините за нескладицу, может быть, попозднее я сочиню что-либо более ясное. Но вы и здесь сумеете кое-что обрести!

4.

15.VIII. 1965

С.П. Бобров — Эстония, Ракверс. р., Высу, Калеви, 4.

Мой милый Женичка!

На днях мы получили из Москвы письмо, где наш друг сообщил нам печальную весть о скоропостижной кончине твоей матушки²⁴. Мы просим тебя, дорогой Женя, принять наше искреннее и глубокое соболезнование и нашу сердечную печаль на свежей могиле этого по-своему недюжинного человека, который был долгие годы верным товарищем твоего отца и другом моего семейства (и меня, и моей первой покойной жены, Марии Ивановны Бобровой). Путь ее жизненный был, быть может, не очень цветистым, но зато необычайно трудным, и трудным не в том смысле, как он был труден для многих других, а совершенно в особом, ибо быть женой такого крупного, выдающегося поэта, которым был отец твой, — дело более, чем нелегкое. Тысячи забот об этом человеке, начиная с самой скудной малости, надоедливой, но неизбежной, и так далее вплоть до материй очень суровых и возвышенных — и зыбких, и непомерно-точных — и

²⁴ Евгения Владимировна Пастернак (Лурье) (1898–1965) — первая жена Б.Л. Пастернака и мать Е.Б. Пастернака, адресата писем Боброва. Умерла 10 июля 1965 г.

простеньких, как сухой лепесток на дороге — и тончайше-трогательных, как мелодии самой удивительной музыки вроде Баха или его любимого Шопена. Всё это на словах сухо и невыразительно, но ведь это было *не на словах*, а на самой живой ткани, из которой и состоит жизнь искусства. И собственное дарование живописицы здесь тоже как-то жило, билось и согревало своим маленьким пламенем трудный путь большого художника. Нечего и говорить о силах, отданных тебе самому. И я помню ее, когда она только еще появилась в доме Бори — тоненькая, прехорошенькая, веселенькая — и сразу на ее плечики навалились все многотрудности тогдашних литературных переворотов, ужасных по своему отторжению искусства на степени самые печальные... Это было все, отданное *одному*, раз и навсегда, с упорством христианской мученицы, с неистребимой верой вправду этого единства... конечно, как и бывает, это немного в конечном счете напоминало нечто вроде «неудачи»... и, конечно, это было не так весело, но ведь для нее-то! какое уж было веселье. Вспоминаешь эту молодую очаровательную женщину давних времен — и думаешь только: вот как наша трагическая эпоха перемалывает людей.

Ну, будь здоров, милый Женя — привет всей семье твоей. Жаль, что ты на это лето не приехал в Кязму (мы только вчера туда ездили — местечко-то очаровательное!)

Привет!

П.С. Из писем друзей московских узнали с радостью, что все-таки Борина книжка вышла [8]. Но невзирая на все письма — указанием наших союз-писательских билетов и пр.! — так никто нам и не мог купить этой книжки. Здесь даже у самых угрюмых лиц несколько что-то прояснилось, когда они узнавали, что все-таки эта книжка вышла в свет!

5.

18.IX. 1966

С.П. Бобров

Москва А 319, Черняховская, 4, 125.

АД 1-78-25

Милый Женя!

У меня случайно отыскался один любопытнейший документик, касающийся твоего папаша в самые ранние годы его юности. Это тезисы его доклада у Крахта (скульптора)²⁵, где верховодил всем делом Эллис-Кобылинский²⁶, а в качестве подлинного небожителя время от времени появлялся Белый.

Доклад этот (вернее, его тезисы), коли не ошибаюсь, это все, что осталось от его намерения сочинить книжку (брошюрку) на эту тему. Если я еще раз снова не ошибаюсь, все это относится к 1913 году (вряд ли доклад состоялся в январе, как уверяет повестка, мне кажется, он откладывался и не раз... но точно сказать не могу)²⁷. Но этот год был уже для нас с Борей (отчасти в этом деле за нами в хвосте тащился Асеев, но с опаской) началом глубокого разочарования в символизме. Хотя Боря придумал такой доклад, а я сочинил и напечатал стишок — апологию символизму, но это уж был апогей, вслед за которым мы начинали нять друг другу в жилетку, что у нас с души прет от символятины. Но все еще мы это хранили в тайне, тем паче, что в среде близкой к нам молодежи были подлинные мистики-теософы, вроде Станевич или ее бледной (но более порядочной) пьяной копии, Анисимова, православист Дурылин-Раевский²⁸ (позже ставший попом) и бэби-эстет Рубанович²⁹.

25 Константин Федорович Крахт (1868–1919) — скульптор. В студии Крахта на Пресне собирался артистический кружок «Малый Мусажет», в котором участвовали писатели и художники, сотрудничавшие с издательством «Мусажет» и близкие к нему.

26 Эллис (псевд. Льва Львовича Кобылинского) (1879–1947) — поэт, переводчик, теоретик символизма, христианский философ, историк литературы.

27 В повестке ошибка. Доклад был прочитан 10 февраля 1913 г.: «10-го января с.г. имеет быть закрытое собрание кружка в квартире К.Ф. Крахта (Б. Пресня, 9). Заслушан будет доклад Б.Л. Пастернака. (Далее приведены тезисы доклада «Символизм и бессмертие».) По прочтении доклада состоится обсуждение его. Начало заседания в 8 час. веч. Вход только по повесткам». Тезисы — см.: [7, т. 5, с. 118].

28 Раевский — псевдоним С.Н. Дурылина.

29 Семен Яковлевич Рубанович (1888–1930) — поэт, переводчик Верлена, участник группы «Лирика».

Ну что сказать о самих этих тезисах? Православием там и не пахнет! Это очевидно обличает все позднейшие выдумки Бори³⁰.

Но есть уже некоторая (чрезвычайно осторожная и завуалированная) *критика символизма*. «Символизм реалистичен только как система», но сей «реализм» достигается только «в религии». И отсюда понятен вопрос «искусство ли символизм»? Современнику, м.б., неясно будет, как это так, в те времена в самой твердыне символизма можно было задать такой странный (т. е. «глубоко бестактный»!!) вопрос, когда киты символизма, вроде Вяч. Иванова, прямо говорили, что если нечто относится к искусству, то это нечто символично от альфы до омеги? Но надо знать, что тут имелась лазейка, которую мы время от времени (немного попереживаясь, конечно!) вспоминали — дело в том, что Белый, а за ним и Эллис (в противность эстетам вроде Брюсова и акмеистов, его учеников) проповедовали, бия себя в перси, что *символизм есть мирозерцание*.

Но в тезисах Бори легко заметить, что последний параграф этих тезисов, казалось бы поддерживая эту «соглашательскую» формулу, на самом деле обнажает ее несерьезный характер — т. е. дело не в мирозерцании, а все-таки в религии. Другими словами — этот доклад, который на первый взгляд вполне правоверен в символячем смысле, все же таит в себе серьезную угрозу — разоблачить всю эту шумиху, как не-искусство. Думаю, что, опасаясь, что в книжке придется договориться в точности до этого, Боря постепенно охладел к мысли об целом сочинении на эту тему.

Но во всяком случае документ небезынтересный.

Привет тебе и всему твоему семейству.

Список литературы

- 1 Андрей Белый. Символизм. Книга статей. М.: Книгоиздательство «Мусагет», 1910. 633 с.
- 2 Богомолов Н.А. Два советских Лермонтова // Новый мир. 2014. № 10. С. 178–194.

30 С Бобровым разговаривать на религиозные темы было совершенно бесполезно. Но К.Г. Локс в «Повести об одном десятилетии» писал, что редко виделся с Пастернаком в то время, когда он «поселился в крохотной комнатке в Лебяжьем переулке». Когда все же навестил его, то увидел, что «на столе в крохотной комнатке лежало Евангелие. Заметив, что я бросил на него вопросительный взгляд, Борис вместо ответа начал мне рассказывать о сестрах Синяковых. То, что он рассказывал, и было ответом» [5, т. II, с. 50].

- 3 Борис Пастернак и Сергей Бобров: Письма четырех десятилетий // *Stanford Slavic Studies*. 1996. Vol. 10. 163 с.
- 4 Крашенинникова Е.А. Крупицы о Пастернаке // Пастернаковский сборник. М.: РГГУ, 2013. Вып. 2. С. 267–287.
- 5 Локс К.Г. Повесть об одном десятилетии // *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Слово, 2003–2005. Т. 11. С. 34–57.
- 6 *Пастернак Б.Л.* Охранная грамота // *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Слово, 2003–2005. Т. 3. С. 148–239.
- 7 *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Слово, 2003–2005.
- 8 *Пастернак Б.Л.* Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Сов. писатель, 1965 (Предисл. А. Синявского). 730 с.
- 9 Письма Боброва к Жозефине и Лидии Пастернак: еще раз о Б. Пастернаке и христианстве // Пастернаковский сборник. М.: РГГУ, 2013. Вып. 2. С. 219–220.
- 10 Pasternak / Par Jacqueline de Proyart. [Paris]: Gallimard, 1964. 317 p.

References

- 1 Andrei Bely. *Simvolizm. Kniga statei* [Symbolism. Collection of articles]. Moscow, Knigoizdatel'stvo "Musaget" Publ., 1910. 633 p. (In Russ.)
- 2 Bogomolov N.A. Dva sovetskikh Lermontova [Two Soviet Lermontovs]. *Novyi mir*, 2014, no 10, pp. 178–194. (In Russ.)
- 3 Boris Pasternak i Sergei Bobrov: Pis'ma chetyrekh desiatiletii [Boris Pasternak and Sergey Bobrov: Letters from the four decades]. *Stanford Slavic Studies*. 1996. Vol. 10. 163 p. (In Russ.)
- 4 Krasheninikova E.A. Krupitsy o Pasternake [Bits and pieces about Pasternak]. *Pasternakovskii sbornik* [Pasternak's collection]. Moscow, RGGU Publ., 2013, issue 2, pp. 267–287. (In Russ.)
- 5 Loks K.G. Povest' ob odnom desiatiletii [A tale of one decade]. In: Pasternak B.L. *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete works: in 11 vols.]. Moscow, Slovo Publ., 2003–2005, vol. 11, pp. 34–57. (In Russ.)
- 6 Pasternak B.L. Okhrannaia gramota [Letter of protection]. In: *Pasternak B.L. Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete works: in 11 vols.]. Moscow, Slovo Publ., 2003–2005, vol. 3, pp. 148–239. (In Russ.)
- 7 Pasternak B.L. *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete works: in 11 vols.]. Moscow, Slovo Publ., 2003–2005. (In Russ.)
- 8 Pasternak B.L. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poems]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1965. With introduction by A. Siniavsky. 730 p. (In Russ.)
- 9 Pis'ma Bobrova k Zhozefine i Lidii Pasternak: eshche raz o B. Pasternake i khristianstve [Bobrov's letters to Josephina and Lydia Pasternak: once again about B. Pasternak and christianity]. In: *Pasternakovskii sbornik* [Pasternak's collection]. Moscow: RGGU Publ., 2013, issue 2, pp. 219–220. (In Russ.)
- 10 *Pasternak*, Par Jacqueline de Proyart. [Paris], Gallimard, 1964. 317 p. (In French)